

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О ФОРМИРОВАНИИ В РОССИИ "KNOWLEDGE SOCIETY"?

И.В. Гордеева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия

В настоящее время мало кто сомневается, что в перспективе информационные технологии станут новым «строительным материалом» международного рынка. На сегодняшний день человечество только начинает осознавать все грандиозные последствия повсеместного внедрения глобальной компьютерной сети как в социально-экономическую сферу, так и в частную жизнь. Оценки стремительно формирующемуся прямо на наших глазах информационному обществу выставляются самые разнообразные, нередко взаимоисключающие: от нескрываемого восхищения возможностью получения доступа к любой необходимой информации и скоростью обмена информацией между людьми до откровенного неприятия отказа от традиционных коммуникативных практик. Э. Дэвис отмечает, что, «отдавшись ненасытному роботу науки, технологии и массовой культуры, мы отрезали себя от богатств собственной души и в высшей степени живительных сетей, таких как семья, община и родной край» [1, с.21]. Автор обвиняет современные информационные технологии в повсеместной мистификации массового сознания, возвращении его к архаическим формам мышления: «электронные медиатеchnологии стирают логический и последовательный взгляд на мир, преобладающий на современном Западе», подменяя его игрой с виртуальными мирами: «и магия, и компьютерная наука имеют дело с созданием миров, заданных при помощи ряда правил» [1, с.36].

Тем не менее, не следует забывать, что помимо трансформаций традиционного мировоззрения, ИК-технологии также играют существенную роль в сферах современного бизнеса, политики и, разумеется, образования. Современный человек должен не только обладать определенным объемом знаний, необходимых в профессиональной деятельности, но и уметь работать с постоянно возрастающим потоком информации: искать необходимую информацию, используя разнообразные ее источники для решения тех или иных проблем, а также критически оценивать полученную информацию – умение, весьма востребованное, но, к сожалению, нечасто встречающееся. Современным обществом востребованы профессионалы, умеющие самостоятельно обучаться и ориентироваться в информационном потоке. По словам Л.К. Туроу, «знание становится единственным источником долговременного устойчивого конкурентного преимущества, поскольку все остальное выпадает из уровня конкуренции, но знание может быть использовано только через квалификацию индивидов» [2, с.92].

Быстрое развитие и распространение новых информационных технологий оказывает возрастающее влияние на политику, экономику, науку и культуру общества, как в пределах отдельных государств, так и в мире в целом. Именно использование современных ИК-технологий позволяет осуществить полномасштабную реорганизацию сферы образования в отношении способов получения информации, выработки умения критически воспринимать последнюю и использовать в зависимости от конкретных потребностей. А. Соловов отмечает, что в настоящее время можно рассматривать электронное обучение уже не в качестве вспомогательного инструмента, но как полноправную новую образовательную парадигму [3, с.104], причем информатизация играет роль основного механизма реализации новой образовательной парадигмы, новое качество системы образования, средство реализации системной связи науки и образования.

Таким образом, можно констатировать, что глобальное информационное общество становится объективной реальностью, выступая в роли опорной конструкции некоего

пространства нового типа. О каком же пространстве идет речь? Как мы можем охарактеризовать трансформации, происходящие на наших глазах в связи с ускоренным внедрением искусственного интеллекта и новых информационных и коммуникационных технологий в нашу повседневную жизнь? Для того, чтобы попытаться понять и оценить степень происходящих изменений, обратимся к терминам, нередко используемым в качестве синонимов: «технотронная эра», «постиндустриальное общество», «информационное общество» и «общество знаний», причем последние два термина явно доминируют. Насколько корректно их использование в качестве взаимозаменяемых понятий? На взгляд автора, это не вполне уместно, так как последний термин включает не только общество, зависящее от технологических инноваций, но и весь спектр социальных, культурных, экономических и политических программ и делает упор на человеческой деятельности, подразумевая наличие активного творца, а не просто пассивного потребителя информационных услуг.

К большому сожалению, в современном российском обществе явно превалирует последний контингент. Так, согласно данным ВЦИОМ, число людей, интересующихся наукой и техническими достижениями, катастрофически снижается. Если в 2007 году об интересе к научным открытиям говорили 68% опрошенных, то в 2013 – только 47% [4]. Парадоксально, что несмотря на повышенное внимание российского руководства к развитию новых направлений фундаментальной и прикладной науки, модернизации экономики на основе внедрения наукоемких технологий, число соотечественников, которым наука не интересна в принципе, возросло с 28% в 2007 году до 49% в 2013-м.

К этому следует добавить, что базовый уровень знаний значительной части выпускников российских школ далек от требований, предъявляемых высшими учебными заведениями к потенциальным абитуриентам. Речь идет не только о низком уровне общеобразовательной подготовки и пробелах в знаниях, требующих организации занятий по корректирующим программам. Справедливые нарекания преподавателей вызывает также то, что первокурсники, в основном, недостаточно владеют навыками интеллектуального труда и самостоятельной работы, слабо подготовлены к активной познавательной деятельности, не умеют критически мыслить и рационально оценивать полученную информацию, а также логично и грамотно излагать свои мысли. Следует отметить, что претензии, аналогичные перечисленным выше, нередко предъявляют работодатели уже к выпускникам вузов, что служит лишним подтверждением серьезности поставленной проблемы.

Анализ причин нарушения преемственности школьного и вузовского образования позволяет выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, существуют значительные концептуальные расхождения в структурности различных уровней образования, в результате чего общеобразовательные и профессиональные программы плохо совмещаются между собой. Справедливые нарекания и претензии вызывают и многие учебники общеобразовательной школы, причем не столько из-за качества излагаемого материала (хотя и здесь возможны проблемы – от опечаток до откровенного искажения фактов), сколько их разнородность и, как следствие, абсолютно разные структура и содержание, несмотря на формальное соответствие учебных программ. В результате возникают ситуации, когда одни и те же разделы какой-либо дисциплины учащимися разных школ осваиваются в разные годы обучения и в абсолютно разной последовательности, нередко без какой-либо логической связи между предметами. Например, в школьном курсе биологии химический состав клетки изучается задолго до того, как в курсе химии учащиеся начинают знакомиться со сложными органическими соединениями, поэтому понятия «белки», «липиды» и «углеводы» практически мало информативны.

Во-вторых, серьезной проблемой по-прежнему является перегруженность учебных программ сведениями, нередко избыточными и быстро устаревающими. Огромное

количество информации, излагаемой в течение занятий и требующей выполнения домашних заданий в таком же объеме, вызывает отторжение и нежелание усваивать что бы то ни было в силу явного несоответствия требований, предъявляемых педагогами к уровню знаний предмета, и реальными возможностями учащихся освоить те или иные сведения. В то же время, появление специализированных классов, в которых в полном объеме осваиваются лишь некоторые дисциплины, необходимые для поступления в вуз на конкретные направления подготовки, также не является решением проблемы. Дело в том, что большинство потенциальных абитуриентов знают лишь, какие именно дисциплины в рамках ЕГЭ засчитываются при зачислении на ту или иную специальность в конкретный вуз, но не имеют представления о полной программе обучения по выбранной специальности. В результате студент, поступивший на специальность «Пищевая биотехнология» на основании результатов экзамена по химии, с удивлением узнает, что уже на первом курсе ему предстоит изучать биологию, физику и другие дисциплины, которым не уделялось должного внимания в школьном курсе обучения. Следствием этого является распространенная ситуация, когда первый год обучения преподаватели вынуждены посвящать ликвидации пробелов в знаниях у значительной части студенческой аудитории.

В-третьих, переходя из среднего образовательного учреждения в вуз, учащиеся не имеют опыта работы в новых обстоятельствах. Системы классно-урочных и лекционно-семинарских занятий отличаются не только разной продолжительностью, но и разными требованиями, предъявляемыми со стороны преподавателей. Отсутствие в вузе тотального контроля, постоянной проверки домашних заданий не только стимулирует самостоятельность и ответственность, но и порождает иллюзию полной свободы, в том числе и от посещения занятий в надежде «как-нибудь выкрутиться во время сессии». Однако сложившаяся в настоящее время во многих вузах практика балльно-рейтинговой системы оценки знаний не позволяет подобным студентам быть допущенными к сдаче соответствующих экзаменов. Это приводит к немалому количеству драматических ситуаций, когда учащиеся обнаруживают, что старая школьная привычка «ликвидировать долги и исправлять двойки в последние дни» в данной ситуации не срабатывает, оставляя студента в полной растерянности. Налицо противоречие между статусом учащихся и их предварительной подготовкой к обучению в новых условиях.

Таким образом, мы приходим к малоутешительным выводам. С одной стороны, никогда ранее научная информация не была столь доступна, так как в Интернет-пространстве можно найти большое количество сайтов с постоянно обновляющимися новостями из мира науки и техники, статьи и аннотации к ним ведущих российских и зарубежных журналов, как естественнонаучного, так и гуманитарного профиля практически по всем существующим научным дисциплинам. С другой стороны, согласно тем же данным, 32% наших соотечественников полагают, что Солнце вращается вокруг Земли, и мало кто может назвать фамилии современных российских ученых, посвятивших жизнь научному поиску. Таким образом, говорить о формировании в России «общества знаний», в отличие от «информационного общества», пока не приходится.

Список цитированных источников

1. Дэвис, Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху [Текст] / Э. Дэвис. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – 480 с.
2. Туроу, Л.К. Будущее капитализма: как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир [Текст] / Л.К. Туроу / Пер. с англ. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1999. – 307 с.
3. Соловов, А. Электронное обучение – новая технология или новая парадигма? [Текст] / А. Соловов // Высшее образование в России. – 2006. – №11. – С.104-112.
4. Иванов, А. Страна Митрофанушек / А. Иванов // <http://svpressa.ru/society/article/64979/>. – 4 марта 2013 года 06:59.